

**Автор приносит сердечную благодарность
за помощь в работе над книгой:**

жене Ирине Дьяковой,
историкам РПЦ и сотрудникам ПСТГУ свящ. Александру Мазырину
и О.В. Косик, старшему редактору издательства ПСТГУ Е.Ю. Агафонову,
Е.М. Насыровой (издательство «Варто», Киев),
а также Н.Д. Солженицыной, президенту Русского общественного фонда
Александра Солженицына, — за многолетнюю поддержку.

Автор также с благодарностью вспоминает
М.А. Пальян-Глаголеву (мон. Магдалину),
Н.Г. Артоболевскую (1928–2009) и ее сына, Г.В. Артоболевского (1954–
2016), за содействие в доступе к домашнему архиву А.Д. Артоболевской.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Священник Анатолий Жураковский, чья жизнь и судьба стали предметом этой книги, — фигура одновременно исключительная и типичная. Типичная — потому что он разделил участь тысяч своих собратьев по вере, расстрелянных и сброшенных в неизвестные рвы; исключительная — по своим человеческим качествам, по влиянию на церковно-общественную жизнь, на свое близкое и дальнейшее окружение. Имя о. Анатолия сегодня не на слуху — его скромность сказалась на умалении его посмертной славы, которую он, несомненно, заслужил. Долгое время только единицы из его ближайшего круга (правда, рассеянные по всему миру) знали и помнили о нем, хотя многие из друзей, учителей, учеников и духовных детей, а то и просто знакомых этого киевского священника стали известными историческими персонажами. Прочитав эту книгу, читатель поймет, почему так случилось.

Еще детским сознанием он сумел различить мир горний и дольний и принял решение пребывать в мире, подчиненном лучам сердечного чувства. Он любил родных, друзей, скромный подмосковный дачный пейзаж своих ранних лет, а затем чарующие линии ирпенских и ворзельских перелесков своей второй, украинской родины. Все вокруг с ранних лет было озарено для него «незаходимым светом». Источник этого сияния находился рядом: огромное солнце вечности в любой миг могло взойти над горизонтом его будней и принять — мальчика, гимназиста, юношу — в свое живительное тепло. Еще на школьной скамье он обрел ее — невесту, жену. Нина Богоявленская, чья фамилия словно бы символизировала провиденциальность их встречи, первая и единственная возлюбленная, действительно стала для Анатолия даром свыше. Его близкими и друзьями были люди

К ЧИТАТЕЛЯМ

разносторонне одаренные, блестяще образованные, совестливые, с тонкой духовной организацией, любящие его и искренне ему преданные, подтвердившие свою преданность в годы тяжелых испытаний.

Поколение, к которому принадлежали супруги Жураковские, их почти ровесник и земляк М.А. Булгаков назвал «беспечальным». Родившись в конце XIX — начале XX столетия, оно, казалось, пришло в мир, чтобы превратить Россию в страну творчества, материального изобилия и душевной радости. Серебряный век, ставший для многих из них одновременно и детской, и университетом, привил им мироощущение граждан вселенной, которым открыты все дороги. Универсальная философия символизма, вдруг расцветшая в русской аскетической и сумрачной культуре, кажется, чуть ли не стихийно ваяла из поколения «беспечальных» личности большой цельности и дарований. Уже в поздние годы общественной деградации студенческий приятель Жураковского, впоследствии видный советский философ В.Ф. Асмус, так объяснит главную цель символизма, в юности поманившего их всех захватывающей возможностью преобразования родины: «Русский символизм возник как течение, поставившее своей задачей разрешение... в первую очередь практических — философско-исторических, этических, общественно-политических — задач»¹.

Этот взлет надежд оборвала мировая война, затем наступил вселенский обвал, вызванный большевистским переворотом. Поколение, призванное преобразовывать «энергии высших сфер духа» в дела созидания, столкнулось с энергией тотального разрушения. В невероятно короткий исторический срок всем представителям молодой символистской культуры стало ясно, что в дом пришли убийцы. Стало ясно, что предстоит отречься от жизни во имя исповедуемых идеалов или от идеалов во имя жизни под страхом ради призрачного покоя. Как и многим, Нине и Анатолию Жураковским предстояло сделать этот выбор. В их судьбе преломился и опыт идеалистически ориентированного поколения, раздавленного прессом идеологии государства нового типа, и опыт верных, принявших и перенесших первые, самые кровавые волны преследования Церкви.

1 Асмус В. Эстетика русского символизма // Асмус В. Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968. С. 534.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Иерей Анатолий после долгих семи лет тюремных и лагерных унижений был казнен. Была перемолота и вся большая церковная община Киева, частью которой являлись сестричество Св. Марии Магдалины и братство Свт. Иоанна Златоуста, созданные при содействии Жураковских.

Есть ли сходство между мучениками древности и мучениками XX века, принявшими смерть от палачей?

Историку, в руках которого оказываются материалы следствия, проводившегося в недрах ОГПУ—НКВД, приходится разгадывать послания если не самого ада, то адской машины, втягивавшей человека в состояние расчеловечивания. Расшифровать их, исходя из документов конкретного «Дела», как правило, почти невозможно. Исследователь, изучающий биографии узников совести, вынужден касаться вещей запредельных, «последних» для нормального человеческого сознания, трудно поддающихся рациональному осмыслению. Знание того, как вели себя заключенные христиане в тяжких условиях тюрьмы и концлагеря, какой нравственный выбор совершали они перед лицом смерти и пыток, является не только материалом для истории Церкви, но — шире — и опорой общечеловеческой культуры. Ибо это знание раскрывает истоки свободы личности и ее ответственности за жизнь — как свою, так и всех, близких и дальних.

Благодаря архивным и мемуарным находкам последнего десятилетия удалось прояснить стратегию поведения, борьбы и выживания православных деятелей Киева 1920-х годов. В результате работы архивистов Отдела новейшей церковной истории Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета были найдены важнейшие документы, свидетельствующие о существенной роли отца Анатолия в попытках Церкви отразить «девятый вал» антихристианских гонений в СССР.

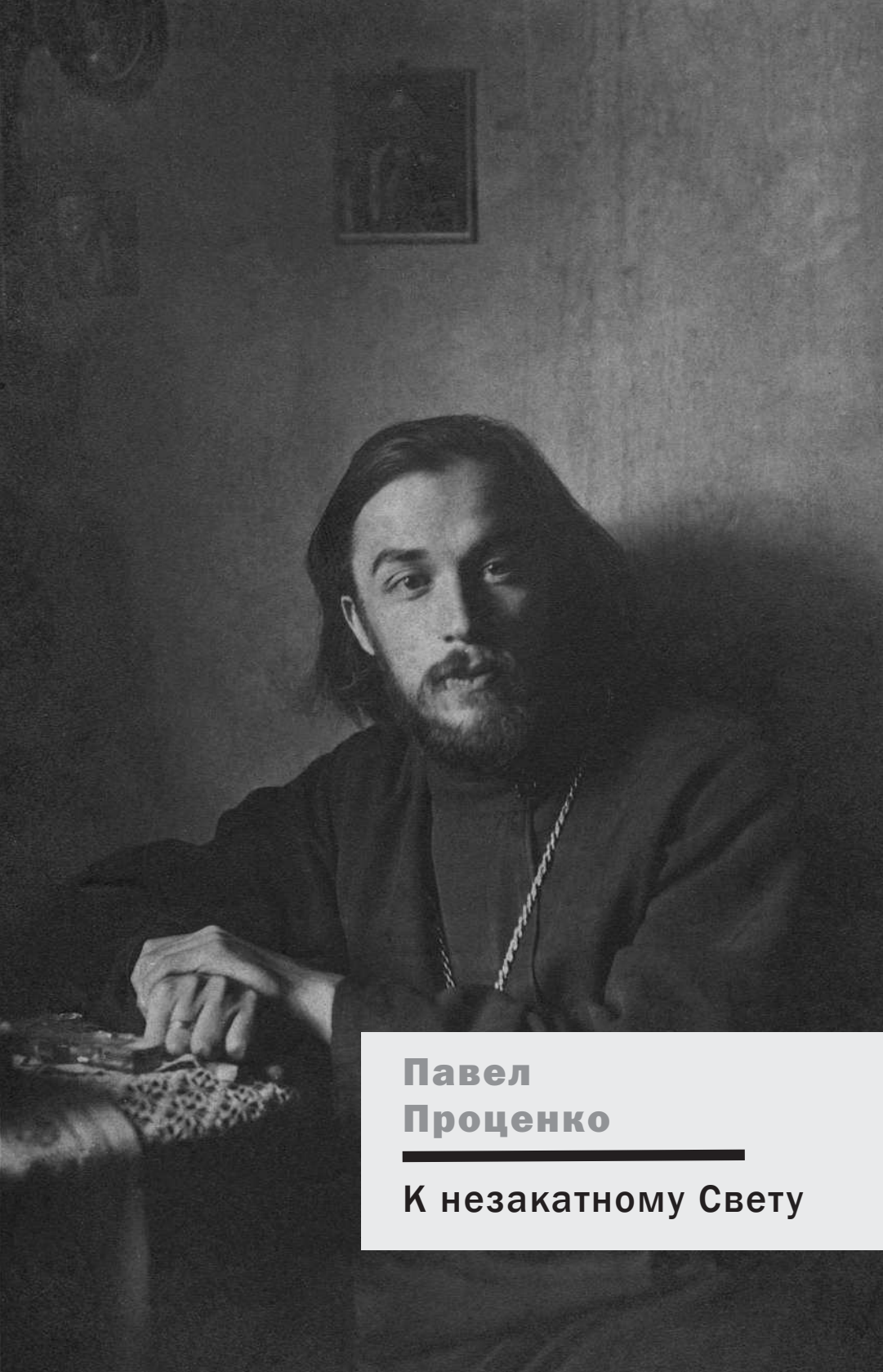
В дополнение к уже известным фактам читатель найдет в книге неизвестные мемуарные и архивные свидетельства, фотоматериалы, обнаруженные автором в последние годы, что позволяет по-новому взглянуть на личность о. Анатолия Жураковского, священника, поэта, мыслителя и проповедника.

Отец Анатолий — плоть от плоти Серебряного века, развивавший и внедрявший его идеалы как в личной жизни и творчестве, так и в церковно-общественной борьбе 1920-х годов. В этом смысле он — важный свидетель времени светлых надежд

и видений русской культуры. Но является ли его личный опыт свидетельством мученика, которому открывалась правда о России и человеке? Автор надеется, что в написанной им книге читатель найдет ответ на этот вопрос. По большому счету, судить о святости подвига о. Анатолия можно лишь на основании соборного решения Церкви. Земную же судьбу отважного пастыря, стремившегося послужить Православию, должна осмыслить и широкая общественность — в той мере, в какой она заинтересована в духовном возрождении страны.

От редакции

Ввиду чрезвычайно большого количества цитируемых в книге не публиковавшихся ранее документов для облегчения восприятия ссылок на них мы применили комбинированную систему сносок. Ссылки на печатные издания даются в пристраничных сносках, а ссылки на не публиковавшиеся ранее материалы (и, в виде исключения, на одну книгу) о семье и общине о. Анатолия даются в квадратных скобках непосредственно после цитаты, в сокращенном виде. Развернутые описания этих источников даются в конце книги, в разделе «Список библиографических сокращений».

**Павел
Проценко**

К незакатному Свету

НАЧАЛО ПУТИ

Происхождение отца. Конфликт в семье. Знакомство будущих родителей священника. Переезд в Москву. Рождение детей. Обстановка их раннего детства.

Анатолий Евгеньевич Жураковский родился в Москве, в семье студента Московского университета, будущего учителя и литератора, 4 марта 1897 года¹. Он был вторым ребенком, старше его на два с половиной года был брат Геннадий (родился 4 сентября 1894 года). После него, с интервалами в два года, появились еще брат Аркадий (1899) и сестра Евгения (1901). Отец, Евгений Дмитриевич (1871; Петербург)², гуманитарий широкого профиля, с 1899 года преподавал в средних и высших учебных заведениях русский язык и литературу, эстетику, теорию искусства (а для подработок и французский язык). Мать, Ольга Васильевна, до замужества — гимназическая учительница, была сердечной, идейной и совершенно непрактичной женщиной. С юных лет она страдала распространенной тогда болезнью — туберкулезом, что вынуждало семью неоднократно переезжать в поисках подходящего климата.

1 До 31.01.1918 даты приводятся (кроме оговоренных случаев) по старому стилю.

2 В нескольких литературоведческих монографиях год рождения Евгения Дмитриевича Жураковского приводится ошибочный. Для настоящей работы год и дата рождения Е.Д. выверены по его паспорту.

Московская география семьи Жураковских обширна: отец семейства часто менял работу, соответственно и место жительства. (При этом ради заработка он всегда состоял одновременно на нескольких службах.) Сюда нужно также добавить и адреса дач, снимаемых на лето, квартир родственников-москвичей по отцовской линии (и, конечно, бабушки-генеральши, Ольги Ивановны). В 1905 году, особенно тяжело для семьи (потерявшей тогда младшего сына), бабушка снимала комфортабельные апартаменты в доме Лебедевой по улице Долгоруковской — московской окраинной новостройке, недалеко от Бутырской заставы и знаменитого тюремного замка. Почти через 20 лет Анатолий, узник Бутырок, вспоминал: «Здесь, в этих местах... бродил я давно, давно, маленький мальчик, гимназистик 3-го класса» [Материалы. С. 72].

В общинных материалах, посвященных пастырю, московский период его жизни почти не освещен. Главное в тех самых первых воспоминаниях, связанных с родительской семьей будущего священника, — история его раннего духовного переворота.

В год начала Первой русской революции младшего из детей Жураковских, шестилетнего Аркадия, поражает тяжелая форма туберкулеза. Малодушие отца, почти переставшего бывать дома, чтобы не видеть мучений ребенка, бессилие изможденной болезнями и отчаявшейся от горя матери... Один с виду неброский факт подчеркивает трагедию, переживаемую семьей: Евгений Дмитриевич, отец троих детей, съезжает в другую квартиру и так, по-видимому и внутренне и пространственно отделенный от близких, существует на протяжении нескольких лет.

Все эти травмирующие впечатления, но главное — страдание к малышу заставляют Анатолия часами, молясь, сидеть у его кровати. Он дает обет «простаивать все церковные службы на коленях до выздоровления брата». Регулярно посещая ближайший храм, он своей недетской сосредоточенностью обращает на себя внимание прихожан и клира, местный диакон становится его первым взрослым другом и церковным наставником. От него Толя впервые

НАЧАЛО ПУТИ

узнал «слова Великого Утешения и Обеты Грядущей Радости» [Материалы. С. 13, 14], как впоследствии передаст его переживание от встречи с христианским благовестием Нина Сергеевна Жураковская.

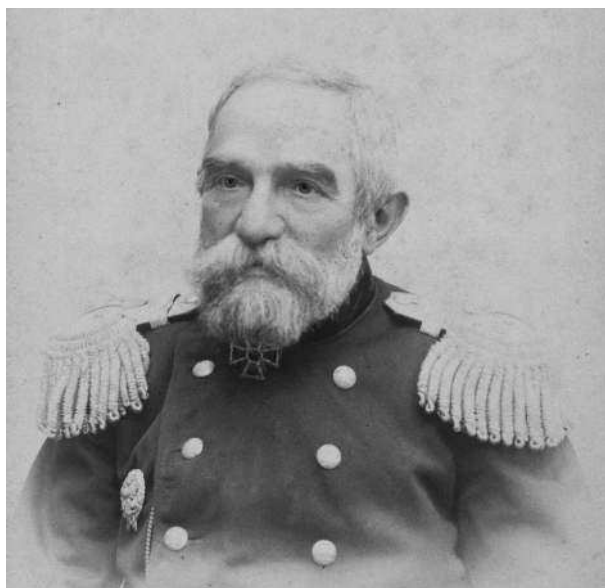
Так мальчик входит в мир взрослых и ответственных решений. Еще несколько лет он проучится в московской гимназии. В четвертом классе Анатолий уже «решил, что будет священником» [АА. Тетрадь III. 16.06.1922], и в это же время теряет интерес к когда-то любимому театру, меняя круг своего чтения. Здоровье матери потребовало переезда на юг... Таким образом, в поздних мемуарах жены подчеркивается главная мысль о предназначении ее мужа — с юных лет следовать в своих действиях за зовом свыше.

Несколько иначе расставлены акценты в показаниях Жураковской на следствии 1930 года. Оказывается, в 1905 году — «после жандармского обыска и ареста» [Дело 1930. Т. 8. Л. 139]¹ — ее свекор пострадал за выступление в защиту «освободительного движения», из-за чего резко ухудшилось материальное положение семьи.

Эта деталь из материалов чекистского расследования 1930 года и умолчание о ней в мемуарном свидетельстве о муже согласуются в одном: в снисходительном отношении к старшему Жураковскому. Да, в момент следствия, когда требовалось подчеркнуть революционные корни, этот факт упомянут. А вот когда нужно показать несуразность отца, разрыв Анатолия с семейным прошлым, независимость от него, то тогда неудобное обстоятельство опускают. Остается — «рудинство» в характере Евгения Дмитриевича, подчеркивающее его внутреннюю слабость.

За скупыми строками «канонического» повествования о будущем священнике мелькает несколько симпатичных подробностей из его жизни в родительской семье, но лишь затем, чтобы больше никогда не затрагивать обстоятельств его взросления в отчем доме: рисунок углем с идущим по дороге

¹ Дата обыска и связанные с ним обстоятельства изложены Н.С. Жураковской неточно. См. гл. «Столкновение с государством».

Дмитрий Андреевич Жураковский, дедушка будущего священника. Участник Севастопольской битвы и герой Балканской войны, генерал, начальник инженерного корпуса Московского военного округа. Снимок конца XIX в. (?). Фотоателье Бродовского в Москве. (Коллекция ОР РГБ.)

Христом, висевший над кроватью гимназиста... Путь, теряющийся в туманной дали. Так он и предстает перед нами в свидетельствах, оставленных его вдовой и уцелевшими членами его общины, как человек, рано порвавший с наследием «отцов», ушедший из родного дома навсегда и бесповоротно.

Новые подробности его детства открывают несколько иную картину.

Отец будущего священника, Евгений Дмитриевич, происходил из мелкопоместных дворян Смоленской губернии. Все материальное благополучие семьи Дмитрия Андреевича Жураковского было завоевано его собственным талантом и трудолюбием. В соединении с твердым характером эти качества помогли ему сделать блестящую карьеру. Дмитрий Андреевич родился в 1822 году в офицерской семье; окончив знаменитое Санкт-Петербургское (Николаевское) инженерное училище

НАЧАЛО ПУТИ

(одним из его соучеников был Ф.М. Достоевский), связал всю свою дальнейшую жизнь с армией. В качестве военного инженера служил на Кавказе, принимал участие в Крымской войне. Во время защиты Севастополя строил оборонительные укрепления, в частности Малахов курган. Ему дали ответственное задание: хранить чертежи возводимых сооружений. За их неприкосновенность он отвечал головой. Поручение это едва его не сгубило. Отказавшись передать секретные бумаги вышестоящему армейскому чину, подвергся аресту и чуть не угодил под военный суд. Помогло вмешательство прославленных адмиралов Корнилова и Нахимова. Расследование показало, что требовавший бумаги начальник замешан в измене. Дмитрия Андреевича освободили и наградили за верность долгу. В дальнейшем он принимал участие в войне за Кавказ, в освобождении Болгарии от турок, находился среди войск, бравших Плевну. В 1861-м женился на дочери русского посланника в Дании, Ольге Ивановне Святской (1838–1920). В конце концов занял должность начальника инженерного корпуса Московского военного округа и дослужился до чина генерал-лейтенанта.

Ольга Ивановна, чья мать была датчанкой, получила хорошее образование: окончила Институт благородных девиц в Петербурге, знала несколько иностранных языков, прекрасно играла на рояле. До глубокой старости много читала, интересовалась литературой и политикой. Легкая на подъем, она любила путешествовать и как светская дама, привыкшая вращаться в дипломатических и высших военных кругах, более заботилась о своей внешности и нарядах, чем о воспитании детей.

У Дмитрия Андреевича и Ольги Ивановны родилось четверо детей: два мальчика и две девочки. «Следуя обычаю того времени, мальчиков отдали в кадетский корпус, а девочки воспитывались в институтах благородных девиц и в гимназиях» [Страницы из жизни. Л. 5]. Евгений Дмитриевич был самым младшим. Когда пришло время ученью, родители, жившие тогда в Одессе, определили его в тамошний кадетский корпус. Так совпало, что в то же время вся семья перебралась в Москву, на новое место службы Дмитрия Андреевича. Отъезд близких травмировал мальчика.